

Причины популярности трактовки предмета как производственных отношений в российской политической экономии на рубеже XIX - XX вв.

© 2014 Будович Юлия Ивановна

доктор экономических наук, доцент

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125468, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49

E-mail: joli1259@rambler.ru

Рассматривается начальный период истории трактовки предмета науки как производственных отношений в отечественной политической экономии; показывается, что понималось под соответствующим определением предмета; вскрываются реальные причины популярности данной его трактовки. Аргументированно объясняется необоснованность трактовки предмета науки как производственных отношений.

Ключевые слова: предмет экономической науки, производственные отношения, общественные отношения, политическая экономия, экономические исследования, экономический принцип, трактовка предмета экономической науки.

Продолжение начатых нами ранее исторических исследований по предмету политической экономии¹, интерес к которым был обусловлен осознанием важности правильного определения предмета науки², привело к интересным результатам. В частности, выяснилось, что в первой половине XIX в. под предметом исследования понимали его результаты³, в связи с чем дискуссия о предмете должна быть дискуссией о закрепляемых за наукой результатах познания⁴, а трактовка предмета как производственных отношений является кратким определением, требующим соответствующей расшифровки. Истории трактовки предмета науки как производственных отношений в российской политической экономии и посвящена данная статья.

В российской политэкономии до перехода к ее марксистско-ленинскому варианту (на рубеже 20-30-х гг. XX в.) под производственными отношениями (социальными отношениями, возникающими в ходе хозяйственной деятельности) как предметом науки понималось то, что ее законы отражают зависимости хозяйственной деятельности общества от производственных отношений. При этом производственные отношения (наряду с производительными силами, результатами деятельности и т.д.) выступают и параметрами хозяйственной деятельности, на которую изучается влияние.

Данная трактовка предмета фактически является частью (половиной) известной еще в начале XIX в. трактовки предмета исследования деятельности людей как результатов, связанных с изучением влияния на нее отношений людей к

вещам (ее технической стороны) и отношений людей друг к другу (ее социальной стороны). Так, соответствующее ей краткое определение предмета науки приводит российский ученый Х. Шлецер в работе “Начальные основания государственного хозяйства” (1821 г., 1-е изд. - 1805 г.), правда, речь идет о предмете науки “метаполитика” (естественное право плюс наука о народном хозяйстве). Она “исследует первоначальные (нравственные) *соотношения людей между собой*, равно как и первоначальные (физические) *их отношения к внешней природе*, или к тем предметам наших чувств, без которых мы для содержания нашей жизни и для украшения оной обойтись не можем”⁵. При этом предметом науки о народном хозяйстве, по Х. Шлецеру, являются отношения людей к природе.

Впервые трактовка предмета как производственных отношений в российской науке получила отражение в работе Н. Бунге “Основания политической экономии” (1870). В ней приводится соответствующая трактовка предмета французского ученого Ш. Коклена из его статьи “Политическая экономия” в “Словаре политической экономии” (1851-1853), редактором которого он был: “Политическая экономия есть наука об общих законах промышленного мира; предмет ее исследований - труд, но не техническая его сторона, а *общественные отношения*, создаваемые трудом, и законы, которым он подчинен”⁶. При этом трактовка предмета Ш. Коклена рассматривается Н. Бунге как неадекватная, “односторонняя”, выступающая реакцией на другую одностороннюю трактовку предмета науки - как

результатов, связанных с изучением зависимости народнохозяйственной жизни от ее технической стороны (отношений людей к вещам, производительных сил), или от богатства. Как пишет Н. Бунге о политической экономии, “наука эта не может ограничиться ни изучением **богатства, независимо от общественно-экономических отношений, ни изучением последних, независимо от средств, служащих для удовлетворения потребностям.** К такому окончательному выводу экономисты пришли после долгих споров”⁷. Из последней фразы видно, что Н. Бунге расценивает “двойную” трактовку предмета науки как на тот момент времени общепризнанную.

Следует отметить, что слово “богатство” изменило свою трактовку по сравнению с первоначальной. А. Смит трактовал богатство как “поток” произведенных за период благ с акцентом на конечные блага. По его мнению, богатство – “все необходимые для существования и удобства жизни продукты, потребляемые им (народом. – Ю.Б.) в течение года...”⁸. К концу XIX в. богатство в “старой” трактовке именуется продуктом или доходом, а термин “богатство” (наряду с термином “имущество”) прочно закрепляется за запасом производственных и потребительских благ, первая часть которого, выступающая одной из производительных сил, также именуется капиталом. Как отмечает А.И. Чупров в “Политической экономии” (1892), “совокупность хозяйственных благ, находящихся в обладании отдельного лица, группы лиц или целого народа, называется имуществом... Понятие имущества в английской классической школе экономистов обыкновенно отождествляется с понятием богатства “wealth”⁹; “в составе имущества различаются две части: одна часть хозяйственных благ, входящих в состав имущества, предназначается для непосредственного потребления и называется потребительным запасом; другая же предназначается для дальнейшего производства, являясь лишь средством для добывания непосредственно потребляемых предметов, и носит название капитала”¹⁰. Творчество Н. Бунге пришлось на период путаницы в трактовке понятия “капитал”. Его зачастую трактовали и как поток. При этом богатство выступало и названием самих благ, составляющих соответствующие поток и запас. Как пишет Н. Бунге в главе 3 “Средства для удовлетворения потребностям” своей книги, “экономисты называли средства, служащие для удовлетворения потребностям, – добром, благом (bien, Gut), имуществом (bien, Vermögen), богатством (richesse, Reichthum)”¹¹.

Н. Бунге объясняет происхождение односторонней трактовки предмета науки Ш. Коклена: “По мере развития филантропического, государственного и социального направлений в науке, на первый план, должны были явиться **хозяйственные связи между людьми, в видах достижения обществом возможно большей степени благосостояния.** Таково было направление, которое имело первых наиболее замечательных представителей в лице Сисмонди и Дроза. Взгляд этот... нашел точнейшее выражение в... определении политической экономии, предложенном Кокленом...”¹².

Вопреки выводу Н. Бунге о распространенности до Ш. Коклена односторонней трактовки предмета науки как технической стороны хозяйственной деятельности, сделанному на основании распространенности определения предмета науки как богатства, техническая сторона как раз исключалась из предмета науки, а общественная сторона, наоборот, включалась в него, правда, при отсутствии общей трактовки предмета науки как производственных отношений (так как в качестве ее результатов рассматривались зависимости хозяйственной жизни не только от производственных отношений, но и от других явлений). Как отмечает Дж.Ст. Милль в “Основаниях политической экономии с некоторыми применениями к общественной философии” (1848), “насколько экономические условия нации (производство и распределение. – Ю.Б.) зависят от физических знаний, они составляют предмет естественных наук и основанных на них искусств. Но, поскольку в них проявляются моральные и психологические причины, зависящие от учреждений и **социальных отношений**, или же от основ человеческой природы, исследование этих условий принадлежит не естественным, а нравственным и социальным наукам и составляет предмет того, что называется политической экономией”¹³. Напомним, что краткими определениями предмета науки у Дж.Ст. Милля выступают богатство и законы производства и распределения.

Не соответствует словам Н. Бунге об общепризнанности двойной трактовки предмета и последующая картина трактовки предмета науки в российской политической экономии. В конце XIX – начале XX в. в ней популярность приобретает трактовка предмета как производственных отношений. Соответствующее определение предмета можно встретить в работе А.И. Чупрова “Политическая экономия” (1892): “...Политическая экономия... изучает... **связи и отношения**, которые возникают между людьми в области хозяйства”¹⁴. Его давал М.И. Туган-Барановский

в “Основах политической экономии” (1911): “...Мы можем определить политическую экономию... как науку об *общественных отношениях людей* в пределах их хозяйственной деятельности...”¹⁵.

Рассмотрим причины популярности данной трактовки предмета науки.

1-й причиной является то, что она позволила обеспечить баланс в трактовке предмета как результатов изучения влияния на хозяйственную деятельность ее двух сторон (технической и социальной). Дело в том, что зарубежные ученые-политэкономы, прежде всего английские и французские, продолжали упорно определять предмет науки как богатство, тогда как под богатством понималась уже техническая сторона хозяйственной жизни. Как пишет французский ученый Ш. Жид в “Основах политической экономии” (1896 г., перевод с 4-го французского издания 1893 г.), «большинство авторов определяет политическую экономию как науку “о богатстве”»¹⁶. Отсюда трактовка предмета как производственных отношений может рассматриваться как банальная реакция на противоположную трактовку предмета - как технической стороны хозяйства.

2-й причиной популярности трактовки предмета как производственных отношений является возможность на ее основе объяснить позднее возникновение науки “политическая экономия”, чем были “озабочены” авторы российских курсов науки, начиная с Н. Бунге. Как пишет Н. Бунге, “во второй половине XVIII в., в ряду общественных наук является новая отрасль человеческих знаний - политическая экономия... Но потребности рождаются вместе с человеком; поэтому позднее возникновение науки, касающейся самых близких его интересов, с первого взгляда кажется непонятным. Недоумение исчезает, однако же, если принять во внимание, что общественные отношения могут сделаться предметом исследования только тогда, когда они достаточно развиты и когда сама жизнь требует ближайшего с ними ознакомления”¹⁷.

Но **главной причиной** популярности рассматриваемой трактовки предмета является возможность на соответствующей основе разделить исследование такого объекта познания, как хозяйственная деятельность, между экономическим и техническим исследованиями. Соответствующая методологическая проблема возникла в связи с “германским” вбросом в науку ошибочного положения о том, что хозяйственная деятельность (и хозяйственные процессы в целом) является общим объектом познания экономики и техники. С данной стороны, популярность трактовки предмета науки как производственных отноше-

ний была вызвана тщетностью попыток осуществить разграничение предмета экономики и техники на основе экономического принципа. Этот критерий экономического исследования был предложен еще в 1832 г. германским ученым Ф. Германом, но стал широко известным в России после выхода 2-го издания его книги (*Staats wirtschaftliche Untersuchungen*) в 1870 г.

Экономический принцип, т.е. исследование процессов с точки зрения максимизации результатов и минимизации затрат, не является свойством, отличающим экономику от техники. И экономика, и техника одинаково смотрят на процессы, выступающие объектами их познания, с точки зрения соизмерения выгод и жертвований. Так, разработка в технике новой технологии или материала непосредственно преследует цель максимизации соотношения “выгоды/жертвования”. Как отмечал М.И. Туган-Барановский в “Основах политической экономии” (1911), критикуя взгляды Ф. Германа, “при устройстве машины техник не может не принимать в соображение затрат механических сил при работе этой машины и полезного действия ее. Техника, которая не исходила бы в своих расчетах из принципа экономии сил, иначе говоря, из хозяйственного расчета, была бы непригодна ни для каких практических целей”¹⁸. Экономика и техника отличаются друг от друга не экономическим принципом в исследовании объектов познания, а самими объектами познания. Если на микроуровне техника максимизирует соотношение “выгоды/жертвования”, самое большое в рамках функционирования производственной сферы предприятия, то экономика - в рамках деятельности предприятия в целом (т.е. с учетом наличия в его составе сфер снабжения, реализации и финансов).

Попытки разграничить исследование хозяйственной жизни между экономикой и техникой на основе экономического принципа всегда приводили к искажению содержания обоих видов исследования (технического - дополнительно к “отказу” ему в использовании экономического принципа). Так, по мнению Д.Д. Морева, представленному в “Руководстве политической экономии” (1892), техническая наука, раз она не основывается на экономическом принципе, может по своему желанию заниматься самыми фантастическими проектами безо всякой связи с потребностями общества. Как пишет Д.Д. Морев, “в каждом отдельном случае специальная задача экономии заключается в расчете, в сопоставлении суммы жертвований, усилий, затрат с суммой ожидаемых к получению благ, а задача техники - в достижении поставленной цели за ка-

кую бы то ни было цену, хотя бы дело шло о выращивании ананасов на Крайнем Севере”¹⁹. Д.Д. Морев не понимает того, что процесс выращивания ананасов на Крайнем Севере техническая наука будет разрабатывать лишь в том случае, если в этом возникнет потребность со стороны бизнеса, и, естественно, того, что даже если технической науке и поручат разработать этот процесс, то ее усилия будут направлены на выработку его наиболее дешевого варианта.

На фоне неадекватности соответствующих попыток в российских курсах политической экономии с конца XIX в. стандартным становится подход к разграничению исследования одних и тех же процессов между техникой и экономикой по признаку их изучаемой стороны. Вот как выглядит это разграничение в “Кратком курсе экономической науки” А. Богданова (1905): “В процессах производства наука различает две стороны: техническую и общественную. / Производство есть борьба людей с внешней природой. В борьбе этой человек непосредственно воздействует на природу, - пользуясь ее предметами и силами, изменяет ее в своих интересах. Непосредственные отношения трудящегося к внешней природе - это техническая сторона производства. Она изучается науками техническими (механика, технология) и естественными (математика, физика, химия, биология). / Общественную сторону производства составляют те отношения, в которые человек при производстве ставится к другим людям... Основной предмет экономической науки составляет... общественная сторона производства - отношения между людьми, а не техническая, не отношения человека к внешней природе”²⁰.

Неадекватность разграничения исследования хозяйственных процессов между техникой и экономикой по признаку их исследуемой стороны очевидна. Адекватное разграничение должно отталкиваться от хозяйственных процессов. Причем должны приводиться технические и экономические науки, имеющие общие объекты познания. Этого в соответствующих разъяснениях нет. Такого разграничения и не может быть, так как у техники и экономики просто нет общих объектов познания.

Важно отметить, что в данных условиях приводимые разъяснения различий между техникой и экономикой начинают восприниматься как проведение различий между объектами их познания. При этом определение предмета как производственных отношений начинает восприниматься как характеристика объектов познания экономического исследования, в качестве которых в таком случае выступают хозяйственные связи.

Последние, однако, далеко не исчерпывают состава объектов экономического познания. В частности, к ним относятся и отношения людей к вещам - многочисленные производственные и управленческие операции и работы, не требующие совместного труда, относящиеся к экономике (выписка счета, заполнение формы отчетности, разработка какого-то процесса на основе экономико-математического метода). Основную же массу объектов экономического познания образуют “смешанные” процессы, составленные из отношений людей к природе и их отношений между собой. И объектами познания техники выступают не только отношения людей к природе. К ним относятся и отношения людей между собой в процессах, требующих совместного труда, относящихся к технике (например, сдача произведенных деталей контролеру, получение материалов со склада). Основную массу объектов познания техники также составляют смешанные процессы.

Выше были приведены три причины популярности трактовки предмета как производственных отношений в российской науке на рубеже XIX-XX вв. Среди них нет такой причины, как влияние представлений о предмете политико-экономического исследования К. Маркса. Доказательство этого положения является предметом другого нашего исследования.

Завершим оценку самой трактовки предмета науки как производственных отношений. Выше отмечалась односторонность данной трактовки предмета в том смысле, что реально в науке изучается зависимость хозяйственной деятельности и от ее технической стороны. Но и у “двойной” трактовки предмета есть проблема - она соответствует науке, которая занимается изучением влияния на хозяйственную жизнь народа только ее внутренних факторов. Между тем, законы, принципы и так далее политической экономии отражают зависимость экономической жизни страны не только от ее внутренних технических и социальных факторов, но и от внешних факторов, возникающих в неэкономических сферах жизни и природной среде страны, в ее международном окружении (естественно, воздействующих на экономику через ее техническую и социальную стороны).

Важно отметить, что российские ученые официально ограничивали предмет результатами исследования влияния на экономику ее внутренних факторов (в данном случае - социальных) в условиях, когда “экономическое” объяснение истории К. Маркса единодушно оценивалось в науке как неадекватное. Так, А. Боровой в своем “Популярном курсе политической экономии”

(1908) определяет предмет науки как социальные отношения²¹. Но именно в этой книге подвергается сокрушительной критике марксово учение, объясняющее общественное развитие внутриэкономическими факторами. Обосновывая его несостоятельность, А. Боровой, в частности, ссылается на позднее признание Ф. Энгельса: «...“в том факте, что младшие (ученики) придают экономической стороне более, чем следует, значения, виноваты Маркс и отчасти он сам... Мы должны были, - писал Энгельс, - в виду противников настаивать на отрицаемом главном принципе, и не всегда имели время, место и повод указывать на остальные, участвующие во взаимодействии моменты”... Если Энгельс говорит про взаимодействие моментов, то этим самым он невольно признает, что и фактор экономической испытывает это взаимодействие, т.е. что он является не только причиной или даже единственной причиной, как об этом говорит теория в неумолимой формулировке Маркса, но и следствием»²². Как отмечает А. Боровой, «взаимодействия разнообразных сторон общественной жизни не решаются отрицать даже и наиболее слепые поклонники теории экономического материализма... “Взаимодействие, - пишет русский последователь теории Бельтов, - бесспорно существует между всеми сторонами общественной жизни”»²³. Если неэкономические стороны социальной жизни влияют на ее экономическую сторону, то нельзя определять предмет науки (только) как производственные отношения. К нему относятся и прочие социальные отношения (политические, религиозные и т.д.), имея в виду, что законы политической экономии отражают и зависимости хозяйственной жизни от изменений в этих последних.

¹ Будович Ю.И. Многомерный характер предмета экономической теории: монография. М., 2011.

² Будович Ю.И. Определение предмета экономической теории и перспективы развития науки //

Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2010. □ 6.

³ Будович Ю.И. Что понимать под предметом экономической теории: целесообразность и историческая справедливость // Проблемы, противоречия и перспективы развития России в современном мире: экономико-правовые аспекты: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1 / под общ. ред. Э.В. Соболева, С.И. Берлина, В.В. Сорокожердьева. Краснодар, 2014. С. 55-59.

⁴ Будович Ю.И. Дискуссия о предмете экономической теории в XXI веке // Экономические и социальные науки: прошлое, настоящее и будущее: материалы III Междунар. заоч. науч.-практ. конф., 30 апр. 2014 г. М., 2014. С. 114-119.

⁵ Шлецер Х. Начальные основания государственного хозяйства. Часть Первая, содержащая народное хозяйство, или науку о народном богатстве. М., 1821. С. 2.

⁶ Бунге Н. Основания политической экономии. Киев, 1870. С. 10.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Книга первая. М., 1997. С. 5.

⁹ Чупров А.И. Курс политической экономии. М., 1918. С. 71.

¹⁰ Там же. С. 75.

¹¹ Бунге Н. Указ. соч. С. 18.

¹² Там же. С. 19.

¹³ Милль Дж. Ст. Основания политической экономии с некоторыми применениями к общественной философии. Киев, 1896. С. 21-22.

¹⁴ Чупров А.И. Указ. соч. С. 19.

¹⁵ Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. СПб., 1911. С. 13-14.

¹⁶ Жид Ш. Основы политической экономии. СПб., 1896. С. 6.

¹⁷ Бунге Н. Указ. соч. С. 5.

¹⁸ Туган-Барановский М.И. Указ. соч. С. 10.

¹⁹ Морев Д.Д. Руководство политической экономии. СПб., 1892. С. 19.

²⁰ Богданов А. Краткий курс экономической науки. М., 1905. С. 4.

²¹ Боровой А. Популярный курс политической экономии. М., 1908. С. 10.

²² Там же. С. 14.

²³ Там же. С. 13-14.

Поступила в редакцию 06.07.2014 г.